

ОЧЕРК

ЧЕЛОВЕК УЛЫБАЕТСЯ СОЛНЦУ

НЕТ, РАВНОДУШИЕ должно сдаться. Оно обязательно отступит. Сейчас же! Столько в словах этого человека правды и душевной боли. До этого она молчала, эта боль, и потом, может быть, ему было тяжелее втройне. Пусть, он так хотел. Это было его, Громова, тайной. Как знать, не самой ли значительной?

А вот теперь он не выдержал. Он не хочет молчать перед ним, вот этим молодым человеком, с которым они встретились совершенно случайно и которого зовут Сергей. Не хочет молчать перед своим сыном, которого не видел около тридцати лет...

Громов заметно волнуется. От былой сдержанности не осталось и следа. Кажется, он сейчас закричит: так нестерпимо саднят его душевные раны. Ему очень хочется, чтобы молодой человек, его Сергей, понял всю его человеческую правоту. Его, если хотите, житейский подвиг. Не ради себя: он далек от эгоизма. Ради семьи Сергея, который сейчас с замкнутым видом слушает отца и пытается бросить ему в лицо что-то резкое, обидное. Что ж, у Сергея «своя правда»; пока он не узнает правды, большой и настоящей. Всей правды об отце, старом партийце, ветеране гражданской войны, всех обстоятельств его жизни. — честной, трудной и возвышенной. Возвышенной потому, что освещалась она большой целью — служения людям, идеалам партии, пониманием гражданского долга. И чеканят громовские слова: «Мужество... А ты знаешь, в чем оно заключается? В умении обмениваться ударами? Уйти с гордо запрокинутой шеей? А может, наоборот. Может, куда мужественнее наступить себе на сердце, растоптать свою глупую гордость. Во имя близкого тебе человека!..». В этом признании — «мудрость философии» — всегда поступать согласно убеждениям, уважению к людям.

Остро пронзают эти слова. Крепко западают в душу. И слушает их не менее пораженный этой встречей, отцовским открытием Сергей — равнодушный скептицизм его сломлен. Внимательно слушает эти слова и притихший зрительный зал.

А потом раздадутся аплодисменты. Пойдет со сцены Николай Васильевич Кузьмин — еще не успевший выключиться из роли — все той же громовской походкой, с прямым, добрым взглядом. Да, жизнь прожита не зря...

Он еще некоторое время будет думать о спектакле, дышать атмосферой событий и спрашивать самого себя о Громе. Каким он был сегодня, поняли ли его зрители, смотревшие спектакль В. Тура «Больше не уходи». Поймали ли сидящие в зале хоть искру его, артиста, души? Он-то очень многое хотел сказать.

НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ близок этот сценический герой. Близок по жизненной позиции, мироощущению, психологии.

Близок, как, впрочем, и все другие, открыто смотрящие на мир, честные в своих поступках, непримиримые к мещанству, быстро реагирующие на все хорошее.

Они его соратники. Они определяют его творческие переживания и поиски. Переживания, которые радостны, и поиски, которые всегда интересные, открытия — судеб, характеров. Как большому другу, поверяют они ему свои тайны и вместе с тем учат ценить жизнь, бороться за нее, за торжество светлых начал в ней. А он, артист, настежь распахивает перед ними свое сердце. И существуют они водно. Одна у них судьба.

Если бы только так могло быть... «Ну здравствуй! Здорово, браток! — сказал бы Николай Васильевич чуть нараспев, весь светясь неподдельной радостью. — А ну-ка, покажись, рассказывай, как и что». И обнялись бы они крепко, как родные, потому что так оно и есть на самом деле. Годун — это века в биографии артиста. Он жил, мыслил, чувствовал и боролся, как этот революционный матрос с крейсера «Заря» из пьесы «Разлом» Лавренева. Он сам был этим матросом. Ему импонирует душевная проницательность героя, человека из народа, который не отвлечен, а собственным опытом, нутром своим постигал алгебру революции. Восхищает глубочайшая преданность делу, к которому он, Годун, без чьей-либо подсказки, а сознательно «приставил» себя. Он был и есть рядовой солдат ленинской партии, партии создателей нового мира.

Годун — судьба многих. Понятная, примечательная, яркая. И Николай Васильевич увлеченно работал над этим образом, талантливо раскрывал его характер, романтически приподнятый, характер активного действия. И ощущал при этом родство душ. Своей собственной и его, своего героя, Годуна своего.

Как это хорошо, просто замечательно, когда вот так. Когда актеру не надо ничего придумывать, насиловать свои воображение и чувства, когда есть совместимость твоего «я» и сценического образа, и они легко «накладываются» друг на друга. Это естественно, как дыхание...

С большим удовлетворением вспоминает Николай Васильевич и свои встречи с Платоном Кречетом из одноименной драмы Корнейчука, Олегом Кошевым из «Молодой гвардии», Комиссаром из «Повести о настоящем человеке», Бахиревым из «Витвы в пути»... Разные характеры, разные люди, действующие в неслыханных обстоятельствах. Но одинаково масштабные по идейно-нравственному содержанию, по отношению к жизни, отлично сознающие глубинный смысл горьковских слов: «Прекрасная должность быть на земле человеком!». Должность, со всеми вытекающими отсюда последствиями — хорошо развитым чувством ответственности перед самим собой, перед обществом. Ответственности за все, чтобы ни совершал на земле.

В том-то усматривал и усматривает свою «сверхзадачу» Николай Васильевич — сфокусировать зрительское внимание на показе самого ценного, что есть в человеке, — его духовной красоты. Чтобы зрители, посмотрев спектакль, почувствовали себя мобилизованными и призванными на борьбу за эту красоту. В самих себе. В других. Во всем окружающем. И это, как правило, удается артисту. Сыгранные им роли, названные в том числе, отмечены печатью вдохновения, больших актерских раздумий.

РАЗДУМИЙ — о времени и о себе. Они всегда сопутствуют настоящему искусству. Так считает и Николай Васильевич. Для него очевидно: на сцене прежде всего должна биться живая мысль. Он убежден — происходит девальвация чувства, когда оно самоцель, если за ним нет сколько-нибудь значительного содержания ясно осознанного действия, не прослеживается его первооснова: те или иные побудительные мотивы.

И, как знать, не вера ли в преобразующую силу разума, человеческого интеллекта, положительно воздействующего на людей, привела его в театр. Не за то ли влюблен Николай Васильевич в профессию актера, что тот имеет возможность публично обнажить эту самую мысль, использовать ради утверждения гуманистических идеалов острейшее оружие — слово. Художественное слово и оттого-то еще более действенное.

Сорок лет миновало, как Николай Васильевич начал свою артистическую деятельность. И выводы о своей профессии, предназначении и задачах искусства не могут обмануть. «Театр, — как он сейчас охотно повторяет, — это коллективный борец за человеческую нравственность. Революционную нравственность!».

А тогда, знал ли он, что целиком посвятит себя служению этой благородной цели, искусству с большой буквы. Знал ли, когда был самым обыкновеннейшим мальчишкой, как и все в его возрасте, удивленными глазами всматривавшимся в окружающий мир, познававшим его со счастливым замирением сердца. С надеждой, с еще несформировавшейся, но, конечно же, такой увлекательной, светлой мечтой?

Как они трепетны, эти воспоминания! Память удивительно легко воскрешает их из прошлого, из далекого-далекого детства.

...Он видит чуточку сурового отца своего, сурового на вид, но с добрым взглядом изпод очков — Василия Павловича, всю жизнь проработавшего портным. Мать, Капитолину Ивановну, чьи руки так нежно касались его непокорных волос, чья заботливость согревала теплом их домашний очаг. Как страстно желали старики, чтобы их сыновья стали людьми, которых бы уважали. Чтобы и младший из них, Коля, по волеизъявлению избрал бы правильную дорогу в жизнь. Настоящую...

А он любил бродить по Ярославлю, глядя-

ваться в дома, в лица прохожих, ощущать ритм жизни старинных улиц, которые с годами преображались, отстраивались заново. А какой охватывал восторг, когда видел Волгу. Блестящая под ярким солнечным светом, она казалась такой же широкой, могучей, как сама Россия, которой обязан всем, и бескорыстную сыновнюю верность к которой впитал вместе с молоком матери.

Школьные годы... Вот он, деятельный участник кружка культуры слова, читает, волнуясь, стихи Пушкина, Лермонтова, Блока, Маяковского... А чуть позже, опять на той же сцене с увлечением играет роль Подхалюзина в пьесе Островского «Свои люди — сочтемся».

Почему — не ответишь просто, но тогда Николай Кузьмин проявил необычайный интерес к ямбам, амфибрахиям, хореем... Он страшно много читал, читал запоем, а множество стихов заучивал наизусть. Литература, искусство оказались его стихией, воспитателем его чувств.

И вот как-то совершенно естественно — театр. Наш ярославский, имени Федора Волкова. Сюда Николай Васильевич пришел в шестнадцатилетнем возрасте. Пришел, чтобы принести себя в жертву загадочной, но такой одухотворенно-прекрасной Мельпомене.

Первые роли, первые огорчения и радости. Было все, и отчаяние наведало в трудную минуту, но Николай Кузьмин чувствовал в себе силы необъятные. Театр для него — все. Хотелось сделать необычайно много — как актеру, как человеку. В двадцать четыре года он играет Фердинанда в шиллеровской «Коварстве и любви», Чацкого в «Горе от ума» Грибоедова. Натуры незаурядные, властители дум своего времени, бунтующие против угнетения, поправки человеческого достоинства, бросающие вызов сильному миру сего.

...Параллели и меридианы, сколько их на нашей планете — такой громадной, такой неохватной! Но есть на ней одна точка, которая для Николая Васильевича дороже всего, обладает особым свойством притяжения. Это родной волжский город. О нем думал, когда — было время — судьба заносила его в разные места. Он всегда надеялся на встречу с этим городом. И она состоялась.

ЗДЕСЬ как-то по-хорошему домовито — на улице Чайковского, в квартире заслуженного артиста республики Николая Васильевича Кузьмина. Простота, скромность обстановки... Атмосфера сердечности в семье... Искреннее гостеприимство... Обилие книг... Трудно сказать, что производит большее впечатление. Пожалуй, все вместе взятое, все сразу.

Валентина Сидоровна Шагина, тоже артистка театра имени Ф. Г. Волкова, жена — большой друг Николая Васильевича, хлопотет по кухне. Из школы возвратилась младшая дочь, четвероклассница Леночка — нужно накормить ее. А скоро появится в доме и Валя-маленькая. Так ее здесь ласково называют в отличие от мамы: Вали-большой.

Старшая дочь десятиклассница. Она мечтает, окончив школу, поступить в Ленинградский университет...

— Хорошие у меня дочери, — говорит Николай Васильевич, отвлекаясь в сторону от нашего с ним разговора. — Они наша с Валентиной Сидоровной радость и гордость. Как учатся? Неплохо. Прямо молодцы.

Мне все больше и больше симпатичен этот крепкого сложения человек, с открытым русским лицом, широкоплечий. И с душой — поэта, нерастраченной молодости.

— Пятьдесят четыре — это же ерунда! Это совсем пустяк! — воскликнул он, когда речь у нас зашла о быстро текущем времени. Впереди еще много работы, и хочется работать... Честное слово!

Мы до этого смотрели газетные вырезки, афиши, фотографии, которые скопились у Николая Васильевича за долгие годы. В скольких спектаклях довелось ему играть. «Бесприданница» Островского, «Маскарад» Лермонтова, «Иванов» Чехова, «Любовь Яровая» Тренева... и многих других неназванных здесь. И как-то отчетливее представилась сложность актерского труда. Ведь каждая роль требует своего особого прицела, особой отдачи от исполнителя.

Что же позволяет этому прицелу быть точным? Широкая образованность человека, жажда познания, которая должна существовать до тех пор, пока бьется его сердце. Способность радоваться жизни, ее неистребимому свету.

Николай Васильевич непроизвольно лишний раз убеждал в этом. Он легко, со знанием дела говорил о творчестве Пушкина и Толстого, Шекспира и Чехова, Голсуорси и Фейхтвангера, Горького и Шолохова. Его интересовало, казалось, все — и проблемы советской журналистики, и новые научные открытия, и состояние самостоятельного театрального искусства. Сам он вот уже который год руководит драмкружком в Доме культуры железнодорожников.

А с каким удовольствием рассказывает Николай Васильевич о своих увлечениях — любительских кино съемках, о рыбной ловле, когда садится в изготовленную своими собственными руками лодку и отправляется в заветные места по рекам. О природе, которая источник всего сущего...

Я вижу его и в этот момент, когда он в своем «речном походе». Вот он стоит — сильный и крепкий, и солнце льется на его лицо. А он улыбается ему — широко и приветливо, и будто хочет обнять весь мир — такой близкий, родной, неповторимый.

...Ради этого и выходит на сцену каждый вечер Николай Васильевич Кузьмин, чтобы сказать зрителям: «Друзья мои, любите свою землю. Любите и уважайте людей. Радуйтесь солнцу, созиданию, которым наполнена наша жизнь. Умело стройте свое счастье. Пусть не будет среди нас равнодушных. Здравствуй, человек!».

И люди благодарны за это артисту.

Г. БАУНОВ.